

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ

(ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ СТРАН СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ) ¹

Вновь появляющийся интерес к таким историческим образованиям, каким была, например, империя Габсбургов, существовавшая в 1867 – 1918 годах в своей заключительной дуалистической форме, кажется вполне закономерным. Дело в том, что система «государств-наследников» Австро-Венгрии распалась всего несколько лет назад. Этот распад произошел на фоне одновременного распада Советского Союза, который с 1918 г. вплоть до недавнего «краха» весьма интенсивно влиял на европейскую и мировую действительность, налагая свою печать на все события. Мы не будем анализировать очевидную взаимосвязь этих двух распадов. Мы хотим лишь подчеркнуть, что картина «краха» подводит итог исторической эпохе, логически возвращая нас к статусу *quo ante quem* и побуждая к размышлению о состоянии, которое предшествовало только что рухнувшему миропорядку.

Нынешняя политическая карта Средней и Восточной Европы, разумеется, иная, нежели в начале XX в., хотя и здесь опутимы некоторые отголоски прошлого, например в стремлении к обновлению тесных связей между среднеевропейскими странами, история которых якобы имеет много общего. В подобном контексте стремление примкнуть к Центральной Европе влечет за собой, помимо всего прочего, и проблему переоценки наследия Австро-Венгрии, хотя это не означает, что новые самостоятельные государства данного региона стремятся к реставрации государственного образования, в котором их народы (все же!) находились в подчиненном положении. Другими словами, утверждать, что в Австро-Венгрии не все было столь мрачным, как это следует из историографии «государств-наследников», не значит отрицать действительное неравенство, которое имело место как в австро-венгерский период, так и в более ранние периоды истории империи.

С другой стороны, интерес к этой старой империи не ограничивается только областями, некогда входившими в ее состав. В Западной Европе, стремительно движущейся в духе решений Маастрихта от

экономической к политической интеграции, картина или, точнее говоря, символика Австро-Венгрии в определенной степени окрашивается в привлекательные тона. «Габсбургский космополитизм» приобретает положительный оттенок в противопоставлении так называемому «миру наций»². Звучит парадоксально, но в этой картине недостает основы — самой монархии, то есть правящей династии, гарантировавшей единство государства на весь период существования феодальной системы. Ведь на основании этой системы монархия развивалась, а последующее движение в направлении модернизации включало в себя абсолютистские и неоабсолютистские методы наряду с интенсивными попытками германизации, к которым в период дуализма присоединилась и мадьяризация.

Несмотря на это, представляется существенным, что идея наднациональности возникла в одном из регионов современной Европы как раз в тот момент, когда в другой части континента она потерпела крушение. Говоря об отношении некоторых западноевропейских кругов к драматическому концу бывшей Югославии (которую точно так же идеализировали), А. Финкелькраут писал: «Упрек состоит в том, что они перестали быть габсбургскими в тот момент, когда весь мир, как они полагают, становится ими; проводятся границы, в то время как возникает необходимость их устранить; каждый хочет быть словенцем, хорватом или македонцем, в то время как все мы „черно-бело-коричневые“. Словом, народы упрекаются в том, что поддались „вирусу фрагментации“»³.

Термин «вирус фрагментации» А. Финкелькраут, по своему собственному заявлению, позаимствовал у французского политолога и конституционного теоретика М. Дюверже⁴. Общая мысль о губительном распространении разделенности присутствует во многих новейших анализах этнических и/или национальных тем. Зачастую тематика сводится к чистому трибализму, как в «Справочнике европейских народов» (Times) (1994) с красноречивым подзаголовком: «Необходимое пособие о племенах Европы». Европейские народы показаны в нем весьма раздробленно⁵. Кстати, выражение «племя» употреблялось и в политическом словаре Австро-Венгрии, что до некоторой степени объяснялось неразвитостью терминологии того времени, хотя это тоже нуждается в изучении⁶. Мы сталкиваемся по меньшей мере с удивлением и/или недоумением некоторых современных авторов по поводу так называемого «этнического взрыва». При этом особое внимание уделяется «этническим конфликтам». Этничность с этой точки зрения означает по сути разделение, причем это разделение, как пра-

вило, имеет негативную коннотацию.

Этничность, однако, гораздо более сложное явление. Точка зрения, согласно которой она порождает разделения, приводящие к столкновениям, требует серьезных оговорок, по крайней мере в методологическом подходе. Действительно, этничность, непременно *подразумевает* существование различий. Однако остается спорным, насколько это является ее основным значением или смыслом и тем более насколько эти различия существенно связаны со столкновениями или соперничеством. Впрочем, даже знаменитая этническая теория, выдвинутая норвежским исследователем Ф. Бартом, согласно которой этничность определяется как процесс субъективного разграничения между группой «мы» и группой «они», зиждется на основной послышке о *единстве* или образовании единства⁷. Правда, главный вклад Барта в теорию этничности состоит не столько в разработке понятия единства, сколько в релятивизации идеи самостоятельного генезиса этнических групп, а также в релятивизации неперенной связи этничности с культурной действительностью, понимаемой в широком смысле, от материальной культуры до языка и духовных проявлений культуры. Согласно Барту, этносы возникают не изолированно (самостоятельно), а в соприкосновении и взаимодействии двух и более общностей людей, причем при произвольном выборе материала из инвентаря культуры, который впоследствии служит для установления этнических «границ».

Нельзя отрицать, что эта довольно популярная схема содержит рациональное зерно и может служить ценным руководством при изучении некоторых этнических ситуаций. Но, к сожалению, подобная схема столь же легко может привести к редуccionизму, если совокупное явление сводится лишь к простому соперничеству групп «мы» и «они». В конце концов это ведет к представлению о взаимно враждующих «племенах», ибо одни, подобно воюющим лилипутам Дж. Свифта, решают разбивать яйцо с тупого конца, а другие — с острого⁸. Мы полагаем, что эта пародия хорошо иллюстрирует тот факт, что речь идет действительно о старом понимании данной проблемы европейской общественной мыслью.

Британский социолог Э. Смит подчеркивал: «Мы не можем рассматривать различные культурные символы и ценности, столь ясно очерчивающие общности, в качестве простых „механизмов разграничения“ или же „культурных маркеров“, отделяющих „нас“ от „них“. Мы даже не можем основывать наше понятие об этницизме на широко понимаемом ощущении „чуждого“ и „непонятного“. Тот факт, что

люди „извне“ являются для нас „иностранцами“, что мы не можем понимать друг друга и „их обычаи“ кажутся нам „непонятными“, приобретает смысл и значение только при наличии уже существующего чувства общего опыта и ценностей, чувства общности, „нас“ и групповой принадлежности, вытекающей из отражения семейного наследия в более общей и сложной традиции и образе жизни, оформляющих и ограничивающих это семейное наследие и самопонимание»⁹.

Толкование Э. Смита близко нашему собственному, хотя и в нем можно найти изъяны. Получается, что основной составляющей этничности является понятие общности, а разграничения происходят позднее. Однако прежде чем развить эту идею дальше, обратимся к еще одной разработке, опирающейся главным образом на положения Ф. Барта.

Сходная с точки зрения культурной антропологии мысль была высказана хорватской исследовательницей О. Супек на VIII Симпозиуме хорватских и словенских этнологов (1989). Во вступлении автор декларирует свою приверженность идеям Ф. Барта в вопросах, во-первых, субъективного определения этнических границ в сфере «экономического, административного, политического и идеологического взаимодействия», и во-вторых, «по преимуществу произвольного» выбора частей из «культурного наследия» с целью «узаконивания позиции такой группы в рамках более широкого общественного контекста»¹⁰. Затем автор критикует «более раннюю этнологическую и культурно-антропологическую традицию», которая якобы включала этничность в ряд естественных явлений, проистекающих из общих и своеобразных традиций при условии «почти мистической связи между представителями народов и территории, на которой они проживают», т.е. согласно теории «духа и крови» с отражением в народном творчестве¹¹. Далее она обрисовывает теорию Ф. Барта¹², дополняя ее ссылками на новейшие работы, которые включают в эту схему глобальное соотношение сил и мировые экономические системы, а также определенный диахронический (исторический — Э. Х.) уровень. О. Супек отвергает «импликация почти рыночной свободы в выборе этнического своеобразия» и ставит во главу угла иерархические отношения политической и экономической силы, глобальное развитие и неравенство, а также деятельность «элиты» в выборе, продвижении и создании национальных символов происхождения и своеобразия (этнических символов — Э. Х.)¹³.

Во второй части работы автор пытается провести более четкое различие между культурой и этничностью, комментируя историчность

этничности («историчность этноса»). Культуру, в широком культурно-антропологическом смысле, она рассматривает как совокупный образ жизни какой-либо группы людей, что является объективным уровнем, который представители культурных групп не обязательно сознательно распознают. Этничность же остается декларированным чувством принадлежности к группе. Этничность (этнос) снова остается «субъективным разграничением», связанным с какими-либо культурными особенностями, в том числе и с языком, лишь благодаря произвольному выбору¹⁴. После утверждения, что этнос (этничность) является «антропологической характеристикой любой формы объединения, от простейшей „орды“ [sic] до нации» (с чем можно полностью согласиться после уточнения терминологии), автор высказывает мысль, что в обществе, организованном на принципах иерархии, этнические отношения в значительной степени создаются в направлении «сверху вниз»¹⁵. В заключении автор утверждает, что «этническое деление в современном мире становится все ... менее этническим и все более классовым»¹⁶. Это, однако, противоречит сказанному выше об этничности как общей антропологической категории¹⁷.

В контексте средневропейской тематики возникает логичный вопрос: можно ли, опираясь на эти идеи, наметить какие-либо направления исследования имевших место в прошлом этнических и/или национальных процессов в Центральной Европе? На этот вопрос, на первый взгляд, можно дать положительный ответ. Для средневропейского региона, *особенно в период империи Габсбургов*, было характерно интенсивное экономическое, политическое и культурное взаимодействие. Дальнейшее усиление этих взаимодействий на протяжении XIX в. выглядит достаточно убедительным объяснением различных «национальных возрождений», развивавшихся в то время почти у всех народов империи. Более того, стремление к этнонациональным разграничениям, которое условно можно связать с «национальными возрождениями», привело к реальным политико-государственным разграничениям. В 1867 г. было установлено государственное разделение Австрии и Венгрии, в 1868 г. заключено хорватско-венгерское соглашение, в 1918 г., после распада монархии, обрели самостоятельность «государства-наследники». *Mutatis mutandis*, сходное явление можно было наблюдать в истории двух «государств-наследников», оставшихся этнически многонациональными — Чехословакии и Югославии (здесь необходимо абстрагироваться от проблемы этнических меньшинств в Австрии, Венгрии и тем более Румынии, поскольку последняя входит в группу «государств-наследников» лишь частично).

На этих примерах, правда в ином темпе и с иным значением, мы также наблюдаем отклонения от централизма (что в контексте империи Габсбургов соответствует периоду абсолютизма), затем попытки установления федерации и конфедерации (что теоретически сравнимо с австро-венгерским дуализмом), и, наконец, образование самостоятельных национальных государств. Даже недоумение некоторых критиков по поводу «вируса фрагментации» в современной Западной Европе можно истолковать (злбно-иронически!) как проблему непонимания закономерностей этнического развития, ибо явный взлет экономических, политических и общественных взаимодействий на западе Европы должен был по сути укрепить этнонациональные разграничения, а не привести к появлению единого общеевропейского самосознания.

Возникает вопрос о соотношении сил в рамках этого взаимодействия, то есть вопрос о роли элиты. Однако уже здесь мы усматриваем трудности в предлагаемой модели. В империи Габсбургов, в ее «государствах-наследниках», как и в современной Западной Европе существовали (а в последнем случае все еще существуют) весьма могущественные политические и общественные элиты. Они стремятся оказывать влияние или перекраивать «сверху» различные этнические, национальные или наднациональные идентичности «своих народов». Но некоторые идентичности *просто не могли меняться*, независимо от количества силы, которой располагали подобные элиты. Правда, можно возразить, что количество силы, измеряемое капиталом или степенью контроля над бюрократическим аппаратом, не всегда означает способность использовать эту силу.

На примере империи Габсбургов можно показать, что венский центр, обладавший наибольшей властью в распоряжении ресурсами, некоторое время сам не мог решить, в каком направлении идти: по пути к дальнейшей интеграции с германским миром или же к распространению «австрийства», которое затем следовало ясно разграничить с тем, что является немецким. Выбрав второй путь, Вена могла бы рассчитывать на поддержку правящих кругов ненемецких народов, хотя проблема заключалась в том, что эта поддержка оказывалась главным образом династии и базировалась на феодальных устоях, которые венский центр намеревался сломать¹⁸. Роковой шаг к германизации, бюрократически навязанной «сверху», в конце концов привел к отчуждению самых широких народных слоев за пределами немецкоговорящих стран. Другое возможное направление исследования — показать на примере «государств-наследников», как попытки элит соз-

дать некое единство, при непонимании ими этнонациональных перспектив, в конце концов приводили к принуждению и усилению отпора этому принуждению.

Кажется, что все попытки оказываются безуспешными, если элита стремится навязать какую-либо этнонациональную перспективу, коренным образом расходящуюся с конкретной, уже существующей этнической ситуацией, сформировавшейся в процессе исторического развития. А историческое развитие, необходимое для формирования этноса, судя по всему является весьма длительным процессом. Интересно, что современные попытки насаждения наднационального европейского сознания имеют наибольшие шансы на успех именно в странах и/или исторических регионах, которые когда-то входили в империю Каролингов! Итак, город Маастрихт, один из центров Карла Великого, имеет более чем символическое значение в создании новой Европы.

То, что влияние элиты на этническое развитие в большой степени зависит от существующей исторической обстановки, которая может этому воспрепятствовать, не означает, что наиболее могущественные социальные слои не в состоянии повлиять на этническое развитие. Они могут это сделать, о чем свидетельствует труд деятелей «национального возрождения» XIX в. Однако эта деятельность может повлиять лишь на направление движения, но не формировать чувство принадлежности, не существовавшее ранее. Воздействие элиты может дать даже название, предложить новый этноним для этнической общности, что весьма важно для этнического сознания. Однако это не означает, что данный этноним будет принят, если он лишен глубоких исторических корней.

Так, попытка деятелей «иллирийского возрождения» распространить иллирийское название на всех южных славян не увенчалась бы успехом даже в том случае, если бы оно не было запрещено имперскими властями в 1843 г. «Иллирийское» было сведено к своему реальному ядру, хорватскому, не сумев распространиться далее границ Триединого королевства и некоторых частей Боснии и Герцеговины (разумеется, мы оставляем в стороне вопрос о более широкой хорватской диаспоре в Подунавье и других регионах). А поскольку уже существовал этноним хорватов, причем с тысячелетней исторической традицией, то иллирийское название теряло смысл. Другие южные славяне тоже отказались от него. Точно так же впоследствии потерпят крах объединительные попытки замены всех этнонимов славянского юга общим югославским обозначением ¹⁹.

Полезным предостережением от возможности влияния «сверху» на этническое развитие служит пример боснийско-герцеговинских мусульман. Хотя речь идет об этносе, который все еще находится в процессе становления, причем в чрезвычайно тяжелых условиях, очевидно, что хорватский, сербский и югославский варианты не принесли желаемых плодов. Эта этническая общность реально существовала без точного и постоянного этнонима! В настоящее время мы являемся свидетелями повторного введения названия «босняк», отстаиваемого в свое время австро-венгерской администрацией. Разумеется, теперь речь идет о редуцированном боснийстве, так как австро-венгерское название должно было включать не только мусульманское население Боснии и Герцеговины, но и католиков и православных (хорватов и сербов), что диктовалось политическими интересами монархии²⁰.

Идея о том, что этничность и этнические процессы возникают в ходе длительных исторических процессов, на которые можно оказывать влияние только в том случае, если имеются соответствующие предпосылки в исторической перспективе, кажется нам чрезвычайно важной. Что касается определения Ф. Барта, согласно которому этничность представляет собой процесс субъективного разграничения между группами «мы» и «они», то, по нашему мнению, субъективный уровень в большой степени подчинен тому, что объективно создано историей. Хотя мы не можем отрицать, что межэтнические взаимодействия играют существенную роль в «этнореволюции», идея об общности, присутствующая и у Барта, означает, что приоритет все же остается за отношениями между отдельными людьми и группами внутри самого этноса.

Мы согласны с Э. Смитом, что вначале должна существовать группа «мы». Другой вопрос, затрагивающий философский аспект, насколько отношения с какой-либо группой «они» необходимы, чтобы общность могла распознать саму себя и сформировать свое (этническое) самосознание. В конце концов, ярко выраженное самосознание общности не является необходимым условием ее существования! Это объясняет проблемы, возникающие тогда, когда попытки этнической инженерии в политических целях вдруг встречают сопротивление со стороны этнических и субэтнических групп. Сопротивление, которого никто не ожидал. Что касается произвольности выбора символов для создания этнического сознания, то мы также должны сказать, что как тезис она может быть принята лишь условно. Этническое единство в самом деле может строиться на основе различного содержания

культурного инвентаря, в силу чего и казаться «произвольным». Однако со временем история выявляет, какое содержание оказывается достаточно прочным и надежным для создания этноса.

Кроме того, различное содержание оказывает влияние на развитие *различных типов этничности*. Какой-либо этнос, сформировавшийся преимущественно на основе религиозных факторов, будет наверняка иметь иное развитие, чем этнос, выросший в первую очередь в территориально-политических рамках²¹. Аналогией может служить язык, являющийся сам по себе важнейшим содержанием этнического развития. Язык можно рассматривать в качестве общей системы коммуникации, но некоторые языки отличаются не только словами, точнее говоря связями, образуемыми соединениями звуков и понятий, но и грамматическими системами, относящимися к различным общим типам. Таким образом, типология этничности была бы сходна с типологией классификации грамматических систем.

В заключение следует подчеркнуть, что многие вопросы, касающиеся анализа этнических явлений и, образно говоря, «грамматики этничности», остаются открытыми. Тем не менее мы уже можем представить это явление как *форму интеграции* человеческих обществ в процессе исторического развития. Исторический опыт Средней Европы предлагает богатый материал для проверки этой мысли и для изучения того, каким образом этнонациональная интеграция в конечном счете привела к созданию в этом регионе государственных образований, уходящих корнями в раннее средневековье. Феномен этничности можно рассматривать и как фактор общественной интеграции (интеграции общественных групп), действующий на протяжении многих поколений. Речь здесь идет скорее об определенной форме *центра тяжести в процессе* интеграции, нежели о каком-либо процессе, хотя очевидно, что и этот центр тяжести должен оформиться в рамках какого-либо процесса, чтобы затем — в границах исторических возможностей! — развиваться, видоизменяться, а иногда и распадаться. Необходимо учитывать различные культурно- или социально-антропологические особенности, воздействующие на становление этнических общностей.

Этничность, таким образом, была бы и объективной категорией, и субъективной, поскольку она является общественной и как таковая зависит от человеческой деятельности. Впрочем, всегда существует определенная бóльшая или меньшая свобода выражения в способе восприятия или невосприятия конкретными индивидами своей этничности. Определенные ограничения свободы всегда существуют *где-*

то, по крайней мере для некоторых отдельно взятых людей. Однако здесь, в этническом контексте, появляется посредующая роль образования и социализации, а в связи с этим и другие косвенные влияния, а также структуры власти и господствующие типы мировоззрения общественных групп.

Рабочее определение этнического развития, предложенное группой исследователей Института по изучению миграционных и национальных процессов (Загреб), отгалкивается главным образом от подобного интегративного видения этничности. Пользуясь возможностью, процитируем его положения: «Развитие этноса можно рассматривать в качестве итога взаимодействия объективных и субъективных факторов, основывающихся на исторической непрерывности и специфических конфигурациях социально-антропологических особенностей общности, а также свободного выбора, исторического сознания при посредстве образования и ранней социализации каждого отдельно взятого человека. В качестве посредников в таких взаимодействиях выступают силовые структуры общества, а также мировоззрения конкретных общностей, в которых ежедневно вращается каждый отдельный человек»²².

¹ *Heršak E.* O etnosu u prošlosti i sadašnjosti // *Migracijske teme.* 1989. № 2 – 3. P. 27 – 62; *Idem.* Različiti sociohistorijski tipovi etničnosti // *Migracijske teme.* 1991. № 3 – 4. P. 335 – 362.

² *Finkielkraut A.* Comment peut-on être croate? Paris, 1992. P. 78.

³ *Ibid.* P. 78 – 79.

⁴ *Ibid.* P. 79.

⁵ Интересен комментарий редактора в предисловии: «Когда страны ЕЭС взяли на себя в Маастрихте в январе 1992 г. обязательство стремиться к единству, мир полагал, что Восточная и Западная Европа двинулись в противоположных направлениях: дробление на востоке, слияние на западе. В действительности, деволодционный вирус заразил повсюду на континенте все значительные политические образования». См.: *Fernandez-Armesto F.* The Times guide to the peoples of Europe. The essential handbook to Europe's tribes. London, 1994. P. 7.

⁶ Этот вопрос является предметом отдельного исследования, хотя известно, что термин «племя», перекочевав в политический словарь первых югославистов, имел явно унитаристский смысл: сербы, хорваты и словенцы были сведены к «племенам» в едином «югославянском народе».

⁷ *Barth F.* Ethnic groups and boundaries: the social organisation of culture difference. Boston, 1969.

⁸ Пародия Свифта, по видимости, достигла вершины в следующем предложении: «It has been computed, that eleven thousand persons have, at several times, suffered death, rather than to submit to break their eggs at the smaller end».

⁹ Smith A. The ethnic origins of nations. Oxford, 1988. P. 49.

¹⁰ Supek O. Etnos i kultura // Migracijske teme. 1989 P. 56- №. 2 – 3. P. 145.

¹¹ Ibid. P. 145 – 146.

¹² Ibid. P. 146 – 147.

¹³ Ibid. P. 147 – 148.

¹⁴ Ibid. P. 149 – 150.

¹⁵ Ibid. P. 151.

¹⁶ Ibid. P. 152.

¹⁷ Просим прощения у автора, если мы неправильно истолковали ее статью или придали слишком большой вес идеям, изложенным в тексте, который был опубликован несколько лет тому назад.

¹⁸ В качестве символа на перепутьи этих движений выделяется образ хорватского бана Й. Елачича. Он являлся одновременно и австрийцем, и хорватом, считаясь даже поборником «славянства». Он был и воином-феодалом (поскольку принадлежал к старой хорватской «политической нации»), ведущим от имени императора хорватскую армию на подавление венгерской революции 1848 г., и наместником (баном), отменившим в Хорватии крепостное право и оказывавшим по мере возможности противодействие германизации. (О позиции Елачича в период неабсолютизма см.: Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1986).

¹⁹ Югославизм, развиваясь в XIX в. в хорватских землях империи Габсбургов, имел мало шансов на успех у словенцев и еще меньше у болгар. Очень скоро он ограничился рамками хорватов и сербов. Интересно, что вначале сербы оказывали югославянскому этнониму значительно большее противодействие, чем хорваты, но после образования первого общего государства южных славян (за исключением болгар), югославизм постепенно приобрел главным образом сербские этнические черты. Современная СР Югославия демонстрирует конечный результат этого процесса: остаток Югославии образует главным образом Сербия вместе с Черногорией, в которой также существовала длительная традиция сербского этнического сознания. См также: Šidak, J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda 1860 – 1914. Zagreb, 1968.

²⁰ Власти в Триедином королевстве выступали против стремления хорватов включить в королевство Боснию и Герцеговину и тормозили политико-административную интеграцию самого Триединого королевства, хотя и не отказывались от этой идеи в силу законных исторических прав. С другой стороны, австро-венгерские босняки служили барьером против распространения сербства и политического утверждения югославизма. В современном, суженном значении, как обозначение этноса, говорящего на югославянском языке и исповедующего ислам, босняки имеют иную интеграционную функцию. Однако существуют значительные противоречия в попытках нынешней «боснийской» элиты дать историческое обоснование боснийства. Так, одна из исламских этнических групп должна искать истоки своего своеобразия в доисламистской Боснии, т. е. в периоде «язычества». Миф о «богомилском» происхождении боснийских и герцеговинских мусульман служит здесь наилучшим средством манипулирования. Исторический анализ показывает всю несостоятельность мифа. Однако важно то, что миф продолжает сохранять-

ся, причем не благодаря усилиям элиты, успешно его навязавшей, а в силу готовности этнической группы его воспринять.

²¹ *Heršak E. Različiti sociohistorijski tipovi etničnosti // Migracijske teme. 1991. № 3 – 4. P. 335 – 362; Хершак Э., Кумпес Й. Два типа этничности (хорватский и сербский примеры) // Этнографическое обозрение. № 4. С. 29 – 40.*

²² Определение послужит исходным пунктом для проекта, в рамках которого проводилось бы исследование хорватского этнического развития. Исследование могло бы состоять из трех частей: 1) выявление основных исторических этапов в развитии хорватского этноса и рассмотрение двух особых форм посредничества в передаче этнического сознания (пример образования и религии), 2) на основании собранных данных определение, к какому общему типу принадлежит хорватский этнос и каким образом этот тип соотносится с другими возможными типами; 3) установление общего направления дальнейшего развития хорватского этноса в рамках европейских процессов.

Перевод на русский язык автора, под редакцией С.А. Романенко